

“МЫ — ОНИ” КАК БАЗОВЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2015

А.П. Марков

В основу статьи положено выступление автора на XIV Международных Лихачевских научных чтениях “Диалог культур и партнерство цивилизаций” (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 15–20 мая 2014 года).

Индивидуальная и групповая идентичности в значительной степени есть результат действия универсальных социально-психологических механизмов ассоциации и диссоциации, которые составляют основу культурной динамики и выступают ключевым фактором формирования идентификационных оснований, консолидирующих общность “мы”. Данные механизмы определяют саму возможность развития человека, сталкиваясь в пространстве его самосознания как конфликт социального и индивидуального, материального и духовного, символики Добра и Зла, Логоса и Хаоса. На социально-психологическом уровне механизмы ассоциации и диссоциации проявляются в процессе социализации личности, которая не только ориентируется на положительные образцы, но и соотносит себя с негативными “референтами” (скажем, ребенок сопоставляет себя с образами антигероев, встречаемыми в сказках, в среде сверстников и т.д.).

Механизмы ассоциации и диссоциации во многом определяют возможность и в то же время противоречивость самореализации личности, которая осуществляется в зоне соприкосновения двух полюсов — собственной уникальности (“неслиянности” с миром) и отождествления себя с культурой и социумом, задающими личностному развитию возможности и пределы. Таким образом, один полюс — это свобода, что рождает страх ответственности, другой — несвобода, несущая страх насилия и утраты собственного “я”. Энергия самоосуществления в данном случае образуется в столкновении полярных мотивов и устремлений человека: интеграции — дифференциации, социализации — индивидуализации, внутренней регуляции — следовании нормам.

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Марков
Александр
Петрович** —

доктор педагогических наук, доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, заслуженный деятель науки РФ. В журнале “Человек” участвовал в круглом столе журнала и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов “Ученый и власть” (2010. № 3), а также в соавторстве с Запесоцким А.С. опубликовал статью “Международные Лихачевские чтения: научные результаты и культуротворческая миссия” (2014. № 2).
E-mail: markov_2@mail.ru

“Силовое поле” формирования национально-культурной общности создается в связях и взаимодействиях элементов социальной системы, как сложение сил притяжения (подражания, адаптации, сотрудничества, консолидации) и отталкивания (противопоставления, разобщения, соревнования, конфликта). Один и тот же элемент культуры (язык, традиция, ценность) выступает и как основание для солидарности, сплочения, и как фактор обособления данного культурного сообщества от “других”, противопоставления им (то есть соединяя, он разделяет). Поэтому в процессе ассоциации субъектов, составляющих этнокультурную систему, негативное отношение к “другим” так же естественно и закономерно, как и позитивное к “своим”. Противопоставление и оппозиция являются источником энергии для консолидации общности, ее самосознания; “всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет; мера противопоставления есть мера объединения” [8, с. 44]. «Поскольку граница — необходимая часть семиосферы и никакое “мы” не может существовать, если отсутствуют “они”, культура создает не только свой тип внутренней организации, но и свой тип внешней “дезорганизации”. В этом смысле можно сказать, что “варвар” создан цивилизацией и также нуждается в ней, как и она в нем» [6]. Следовательно, ассоциативно-диссоциативные механизмы составляют движущую силу формирования и развития социально-культурных общностей и национальных культур, основу образования этносов, которые возникают как целостности, противопоставляющие себя другим целостностям того же типа, и исчезают как система, теряя ощущение “своих” и “чужих”. Переживаемое членами этноса противопоставление “свои — чужие” служит основным индикатором определения этнической принадлежности (Л.Н. Гумилев).

В теории этногенеза доминирование механизмов ассоциации или диссоциации зависит от соотношения гармоничной и какофоничной моделей взаимодействия “этнических полей”: преобладание одной из них определяет симпатию либо антипатию этносов по отношению друг к другу. Симпатия или антипатия рождается на подсознательном уровне, в глубинных структурах экзистенции. На уровне межэтнических взаимодействий та или иная модель взаимодействия “этнических полей” может проявиться в таком чувстве комплиментарности, результатом которого станет симпатия к представителю другого этноса, готовность принимать его таким, каков он есть. Отрицательная комплиментарность порождает безотчетную антипатию, которая раскрывается в крайне негативных характеристиках и эмоционально-репрессивной окрашенности отношений к другому этносу как “врагу”, инстинктивное стремление перестроить ментальную структуру и ценностно-нормативную основу “партнера”, а в случае невозможности этого — уничтожить его как опасного носителя “чужого”.

Механизмы ассоциации и диссоциации, лежащие в основе культурной динамики, имеют древнейшее происхождение. В фор-

мате обозначенной выше парадигмы человеческую историю можно рассматривать как процесс и результат борьбы двух тенденций: с одной стороны, интеграции, единения, консолидации, взаимопонимания, с другой — дезинтеграции, обособления, отталкивания (в том числе и путем непонимания). Так, “распадение” человечества еще на заре человеческой истории “на великое множество общностей с разными искусственными признаками их обособления и культурами” оказалось следствием действия механизмов суггестии и контрсуггестии. Суггестия — это “повеление, преодолевающее отказ”; экспансивно адресованная другому, она вызывает необходимость защиты в виде контрсуггестии [8, с. 44]. “Ключ ко всей истории второй сигнальной системы, движущая сила ее развития — перемежающиеся реципрокные усилия воздействовать на поведение другого и противодействовать этому воздействию. <...> Эта пружина, развертываясь, заставляла двигаться с этапа на этап развитие второй сигнальной системы, ибо ни на одной из противоположных друг другу побед невозможно было остановиться” [там же, с. 364–365].

Механизмами контрсуггестии от интердиктивных воздействий были: непонимание; действие наоборот; молчание (как специфический механизм отказа от непосредственного выполнения суггестии); нетождественный обмен; парирование суггестии эхололией или квазиэхололией. В древности в качестве универсального способа самозащиты формирующегося культурного сообщества стало создание собственного языка, который, объединяя общность, одновременно противопоставлял ее всем другим “лингвокультурным” сообществам (множество языков — это возможность не понимать “других”, способ игнорировать их “команды”).

Очевидна закономерность: любой форме межличностной и межкультурной коммуникации сопутствует не только стремление к пониманию (как способу достижения ценностного и смыслового единства субъектов коммуникации), но и “инстинкт непонимания”, защищающий участника диалога от воздействия и сохраняющий тем самым его самотождественность (посредством дезидентификации, техник специального разрушения смысловой и знаковой тождественности получаемого от “другого” сообщения). “Если идентификация, отождествление (сигнала с действием, фонемы с фонемой, названия с объектом, смысла со смыслом) служит каналом воздействия, то деструкция таких отождествлений или их запрещение служит преградой, барьером взаимодействия, что соответствует отношению недоступности, независимости” [там же, с. 378–379]. Нарушение механизма суггестии обнаруживается уже на границах первобытных общностей, когда возникает нечто ей препятствующее, что можно отнести к явлениям непонимания в широком смысле. Обособление, непонимание не только блокируют механизмы суггестии “другой” культуры, но и предотвращают отчуждение благ “вовне”. Для возобновления воздействия необходимо найти новый уровень и новый аппарат — фонологический, номинативный, семантический,

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

синтаксическо-логический, контекстуально-смысловой, формально-символический (Б.Ф. Поршнев).

Ассоциативно-диссоциативный принцип бытия глубоко встроено в структуру культуры и человеческой психики. В онтологической плоскости он символизирован универсальными категориями (и соответствующими энергиями) Логоса и Хаоса, модификации которых обнаруживаются в различных сферах человеческого бытия. Если Логос олицетворяет (и в онтологическом смысле являет собой) порядок и созидание, выступает условием целостного существования мира, то Хаос символизирует нечто неподвластное человеку, принципиально им непознаваемое, катастрофичную для культуры и цивилизации энергию. Не случайно в религиозно-философской мысли разрушительная стихия Хаоса (*греч.* chaos — зияние, пустота; от chasco — разеваю) персонифицирована образами Антихриста, Люцифера, Аримана. Культура и родилась как Логос, противостоящий Хаосу. «Основным законом мира является второй принцип термодинамики — закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос — начало эктропии¹. Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции, как поддержке уравнительного процесса вселенной, и в повышении разности потенциалов во всех областях, как условие жизни, в противоположность равенству — смерти» [12]. Хаос торжествует в переломные культурно-исторические эпохи, когда рушатся связующие культуру и социум духовные скрепы. К массовому ощущению нарастающего хаоса ведут усиливающийся культурный плюрализм, относительность и многозначность культурных ценностей, рост девиантных форм самовыражения, активно входящих в пространство нормативного.

Образно-символической модификацией социокультурных механизмов ассоциации и диссоциации в их антропологической плоскости является оппозиция «свои — чужие», которая выражается в стереотипах национального самосознания, образах художественной культуры, персонифицированных символах Добра и Зла. Особую напряженность данная оппозиция обнаруживает в плоскости духовно-нравственного самоопределения (как отдельного человека, так и культурного сообщества в целом). «Психофизической структурой своего существа человек поставлен на самое жесткое распустье: между духом и материей, добром и злом, видимым и невидимым, чувственным и неосязаемым, этим и тем, «я» и «ты»» [9, с. 29]. В религиозном сознании «чужое» символизируется областью греховного, «мрачная сила» которого «отупляет, иссушает и парализует ощущение бессмертия», уродует человека, превращая его в «гуманистического недочеловека» [там же, с. 57].

Оппозиция «свои — чужие» особенно характерна для русской истории и культуры, напряженность и драматизм которой питались ощущением постоянного присутствия в мире зла, персонифицированного образом Антихриста. Согласно существующей

¹ Изменение в сторону упорядочения, большей организованности, сложности, то есть в сторону, противоположную энтропии, которая ведет к хаотизации и деградации.

точке зрения, дуальность русской культуры объясняется отсутствием в православном мировоззрении промежуточной, нейтральной сферы — чистилища [7]. Поэтому миф об Антихристе целиком пронизывает религиозное сознание, становясь частью русской идеи, универсальной схемой объяснения источников мирового зла и перспектив борьбы с ним, критерием поиска ответов на вечные вопросы бытия (А.С. Гришчин).

В русской гуманитарной традиции смысл истории состоит в приближении Царствия Божьего, в окончательной победе Добра над силами Зла и Хаоса (С.Л. Франк, П.А. Флоренский, В.С. Соловьев² и др.). В то же время “активное” присутствие указанного образа в национальном самосознании периодически рождает характерное для русских состояние тревоги, ощущение бессмысленности и трагичности мира и предчувствие его конца, обреченности борьбы со злом. Раскол, сектантство, анархизм, постоянный уход из государства — все это одновременно было уходом во имя “лучшего государства” и оправдывалось тем, что сейчас в мире “нет правды”, ибо в нем торжествует “не Христос, а антихрист” [2]. И поныне массовые переживания катастрофичности бытия и ощущение “последних времен” актуализируют образ Антихриста (о чем свидетельствует, в частности, усиливающийся эсхатологизм мировосприятия, особенно в контексте событий двух последних десятилетий). Историческая ритмичность и устойчивость мифа об Антихристе позволяют считать данный образ анти-моделью русского мира, ценностной инверсией и персонифицированным символом “обратной перспективы” культуры.

Ассоциативно-диссоциативные механизмы придают процессам обретения национально-культурной идентичности драматически напряженный характер, что особенно остро проявляется в ситуации межкультурной коммуникации. И это неизбежно: символы культурной идентичности человек воспринимает для себя как священное, поэтому они не могут быть предметом диалога. Характер отношений (в том числе и в меру их конфликтности) здесь неизбежно определяется фактом принадлежности субъектов диалога к различным культурам, включая языковые особенности, религиозные и национальные святыни, поведенческую и обрядовую символику, разное понимание “исторически отягощенных и идеологически нагруженных проблем”. Все перечисленные различия имеют “личностно-интимную и потому неотчуждаемую природу” — входят в ментальное ядро человека, фиксируя и определяя его личностную идентичность, смыслы бытия и чувство достоинства [4].

Следовательно, межкультурный диалог всегда несет в себе элементы драматизма, субъекты коммуникации выступают в нем как органичные носители культурных этосов и ментальных миров. И в таком случае взаимопонимание участников диалога не всегда способствует оптимальному контакту — чем глубже постижение “другого”, тем проблематичнее поиск общего поля для диалога. В ситуации несовпадения глубинных духов-

² Вл. Соловьев утверждал, что выбор добра “бесконечно определен”, так как “добро определяет мой выбор в свою пользу всей бесконечностью своего положительного содержания”. Поэтому весь исторический процесс неуклонно идет к торжеству добра, “воплощению божественной идеи в мире” [11].

ных матриц понимание создает обратный эффект: ощущение “экзистенциальной” пропасти между участниками диалога вызывает их взаимное отторжение и агрессию. Так, осознание отечественной интеллектуальной элитой сущности западноевропейской культуры (а также причин надлома ее духовного ядра) нередко вызывало чувства, блокирующие саму возможность конструктивного диалога, порождало резкое неприятие иной культуры, которая воспринималась в качестве “чужого мира”.

Таким образом, на всех уровнях социального бытия оппозиция “мы — они” оказывается источником энергии консолидации общности, ее самосознания. Более того, данная оппозиция выполняет конструктивную функцию, даже будучи в своих крайних формах, когда “другой” становится “врагом”. Образ “врага” (даже в случае, когда тот искусственно создается), во-первых, способствует консолидации социальной или этнокультурной общности “мы”. Во-вторых, он становится внешним фактором (или источником) мобилизации духовных сил нации (вспомним всплеск патриотизма в российском обществе в контексте событий на Украине, действия которой в адрес России позволили “упаковать” ее образ как “врага”). Дело в том, что образ “врага” ставит нацию на границу небытия, очевидная беда стимулирует защитные силы нации и культуры. Для российского общества это особенно характерно — мы обладаем способностью объединяться в беде и готовы на подвиг самопожертвования, когда Родине угрожает опасность. Данное качество связано с выраженностью в структуре национального характера такой ментальной черты, как совесть, в смысле со-настроенности на другой голос, чужую боль. В-третьих, “отталкивание” от образа “врага” способствует духовно-нравственной идентичности. Вот почему во всех культурах всегда можно обнаружить полюсы добра и зла, жизни и смерти.

Помимо конфронтации и жесткого диалога в определенных случаях к “врагу” может формироваться чувство, похожее на любовь. В основе указанного феномена — универсальный механизм идентификации, истоки которого лежат еще в ритуальном каннибализме. Предельно острая форма оппозиции “мы — они”, проявляющаяся в агрессивном противостоянии, автоматически запускает механизм идентификации с “врагом”, в результате субъект на бессознательном уровне интериоризует (“усваивает”) качества объекта оппозиции. Даже в случае завершения конфронтации фактической победой одной из сторон победитель невольно отождествляет себя с побежденным. Поэтому любая борьба (особенно в формах идеологического противостояния), даже если она заканчивается поражением одной из сторон, в определенном смысле приводит к поражению и самого победителя.

В истории российской культуры механизм конструирования внешнего “врага” обнаруживает себя в форме мировоззренчески непримиримой оппозиции “Россия — Запад”. Внутренняя же оппозиция “мы — они” традиционно была представлена культурными ориентациями почвенников и западников, которые

взаимно уравновешивали и “поддерживали” друг друга, генерируя энергию культурного самосознания и самостроительства. Безусловное доминирование западной ориентации без “охранительного” полюса славянофилов означало бы превращение русской культуры в “механическое смешение элементов различных культурных традиций” и в конечном счете привело бы к денационализации России, опасность которой в XIX веке, по мнению В. Вейдле, была вполне реальной. Внутренняя оппозиция постоянно поддерживалась и на протяжении советской истории — в образе “врагов” народа, космополитов, диссидентов и др.

В историческом противостоянии духовных миров России и Европы один рассматривался как “царство благодати и Святого Духа”, а другой — как мир язычества и Антихриста. Для русской цивилизации символом “чужого” была вся новейшая европейская культура, и такая позиция объединяла отечественных мыслителей патриотического блока (славянофилы, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, евразийцы) с представителями православной философско-религиозной мысли других европейских народов и особенно близких по христианскому духу южных славян³.

Мировоззренческая оппозиция была свойственна и социалистической идеологии, поделившей весь мир на “царство свободы” и “царство необходимости”, где в первом было все самое “передовое и справедливое”, а во втором — “разлагающееся и бесчеловечное”. В свою очередь СССР в глазах капиталистического мира также воспринимался “империей зла”. Можно сказать, что консолидация стран внутри социалистического содружества на макросоциальном уровне во многом обеспечивалась противопоставлением социалистического лагеря и капиталистического мира. Вместе с ликвидацией образа “врага” (персонифицированного ведущими странами западного мира, и прежде всего США) рухнуло и единство социалистического лагеря, за которым последовал государственный распад системообразующих держав (Югославия, Чехословакия, СССР).

Особые функции образ “врага” выполняет на границе культурных миров. “Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает” [1]. Сакральный смысл и значение пограничной ситуации заключается в том, что она ставит субъекта культуры перед неизбежностью выбора. “В поисках ценностей человек неминуемо приходил к перекрестку, на котором ломаются кости. Здесь его путь разветвляется, раздваивается в многоорукавную дельту” [9, с. 28].

Духовно-нравственный вектор выбора в пограничной ситуации во многом определяется образом “врага”. В частности, выбор жителей западных пограничных регионов России всегда был в пользу самоотверженного патриотизма, так как идущий с Запада “враг” посягал не только на жизнь, но и на душу — нес иную

³ “Европейский гуманизм, словно стеной, обнес человеком нашу планету. Облек ее в человека. И мобилизовал все, даже временно и постоянно неспособное для борьбы, против сверхчеловеческого... Гуманизм только расцарапал кожу человеческого существа, и из каждой поры заревело по чудовищу. Все вулканические жерла дышат, хрипя и тряся землю. Возле них обитают футуристы, декаденты, анархисты, нигилисты, сатанисты и жадно пишут, по складам слагая летопись апокалиптической эпохи человека”; “Гуманизм тяжко замучил и отчаянно разочаровал человека. Европейский человек устал от идолопоклонства. Измучив человека до ужаса, гуманизм испустил дух от небывалого безумия от европейской войны. И оставил европейского человека на европейском кладбище” [9, с. 25, 32].

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

систему ценностей “латинизированного” христианства, отвергаемую всем православным миром. И иной вариант выбора: регионы Западной Украины, исторически оказавшись в зоне особого напряжения (с одной стороны, православного типа духовности, с другой — греко-католической и римско-католической системы ценностей⁴, ныне дополняемой элементами деформированного протестантизма), в качестве “врага” избрали “Русь Московскую”, духовно-нравственное “давление” которой препятствовало окончательному формированию и укреплению идентичности в пределах “антиправославной” системы ценностей. Именно глубоким духовным расколом, присущим многовековому “бытию на границе”, можно объяснить ненависть к “врагу” в лице тех, кто не вписывается в соответствующую идентификационную модель.

Доминирование механизмов диссоциации (которые, как уже отмечалось, выполняют компенсаторные функции укрепления солидарности и обретения идентичности) характерно как для этапа формирования культурной самобытности, так и для ситуации кризиса, вызванного (естественным или целенаправленным) разрушением мировоззренческого ядра национально-культурного этоса либо резкой сменой системообразующих мировоззренческих доминант. В условиях информационного общества усиление в структуре национального самосознания негативного образа “мы” становится в значительной мере результатом целенаправленного действия “глобальных” субъектов культурной политики. “Положительная валентность” осознания народом своего этнокультурного достоинства и самобытности выступает позитивным фактором консолидации; в случае преобладания “негативной валентности” актуализируется негативный образ “врага”, выполняющий компенсаторные функции в системе коллективной идентичности (обретение общности “мы” посредством отталкивания от “они”).

В ситуации кризиса идентичности акцентированная диссоциация (в форме обострения оппозиции “свой — чужой”) становится результатом естественного стремления субъекта культуры (нации, этноса) преодолеть комплекс “культурной неполноценности” и обрести самоидентичность в противостоянии с “другим”. При этом усиливающаяся полнота “свое — чужое” создает в культуре особое энергетическое поле, которое укрепляет отношение к “своему”, нередко принимая агрессивные формы противостояния “чужому” (идеям, ценностям, мировоззрениям, образу жизни и т.д.). Мировоззренческая и социально-психологическая оппозиция, консолидируя общность, формирует чувство настороженности и отчужденности, которые перерастают во враждебность к носителям других взглядов, ценностей, норм, этнических признаков. Иными словами, устойчивость общности, не обеспеченная позитивными ресурсами идентичности, находится в положительной зависимости от наличия символически значимого оппонента — без внешнего “врага” она теряет энергию консолидации и в целях компенсации вынуждена искать оппонента в среде “своих”.

⁴ В настоящее время греко-католическая церковь является, по сути, фактическим представителем Папы Римского на Украине.

В современном глобальном мире механизмы диссоциации начинают активно доминировать, что чревато системными конфликтами, в том числе и военного характера. Однако причины агрессивности кроются не в самой оппозиции “свой — чужой”, а в ее природе. Можно выделить несколько факторов усиления негативного отношения к “другому” (которые одновременно являются причинами повышения значимости и увеличения масштаба образа “врага”).

Кризис национально-культурной идентичности. “Враг” в этом случае становится движущей силой обретения идентичности, способствуя консолидации общности “мы” посредством отталкивания от “они”. Характерный тому пример — Украина, которая на протяжении почти всей своей истории, но особенно в последние два десятилетия обретает национально-культурную и государственную идентичность в конструировании образа “врага” в лице России.

Отсутствие (или утрата) смысла жизни (для общества — значимой национальной идеи). Возникающая экзистенциальная пустота (и в масштабе общества, и в пространстве индивидуальной жизнедеятельности) требует заполнения, вследствие чего становится благодатной средой для формирования националистической идеологии — наиболее опасной формы оппозиции “мы — они”, в которой граница между “своими” и “чужими” проходит по критерию “почвы и крови”.

Культурный перфекционизм. Речь идет о чрезмерно высоких стандартах национально-культурных притязаний, усилия по достижению которых, с одной стороны, консолидируют общность “мы”, а с другой — истощают энергию нации и активизируют работу компенсаторных механизмов диссоциации, в том числе и в форме конструирования образа “врага”. Мотивационная основа перфекционизма такого рода лежит в остром “конфликте достижений”, когда одинаково сильно выражены мотивы стремления к успеху и избегания неудачи. Исследования показывают очевидную связь данного фактора с двумя группами состояний: одна из них — депрессивные и тревожные расстройства, эмоциональная дезадаптация; другая — выраженная враждебность (склонность наделять социальные объекты негативными качествами) и агрессия (модель поведения, в основе которой лежит намерение нанести повреждения или причинить вред другому человеку) [3]. Культурный перфекционизм типичен для русской истории: масштаб наших национально-культурных притязаний представлен уже в самой формуле русской идеи, утвердившей Московское княжество преемником Римской империи и Византии (“Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать”).

Целенаправленная эксплуатация со стороны политической элиты ущемленных национальных чувств некоторых сегментов общества. Этому фактору способствует определенная атмосфера в обществе, а именно: отсутствие консолидирующих общество ценностей; глубокое расслоение населения по религиозным,

⁵ Политические элиты стран третьего мира (и второго тоже, как показывает “Февральская революция” 2014 года на Украине) используют национализм как мобилизационную стратегию и тактику, с помощью которой пытаются (и вполне успешно) консолидировать нацию как общность “мы”, в том числе и путем конструирования образа “врага”. В этом качестве выступают как внешние силы, так и внутренние “враги” — инокультурные иммигранты, на которых возлагается вина за усиление преступности, рост безработицы и т.д. (даже в “могучих” и благополучных США наплыв “инокультурных” начинает рассматриваться в качестве угрозы национальной безопасности и идентичности).

⁶ Так когда-то европейцы уничтожали индейцев, которых по бесчеловечности ритуалов считали разновидностью обезьян. Так поступали фашисты на оккупированных территориях Советского Союза, а теперь — необандеровцы, для которых население Юго-Востока Украины — это “колорады”, подлежащие безусловному уничтожению.

⁷ В истории зарубежной культурологической мысли имеются проекты, в рамках которых предпринимались попытки снять агрессивную энергетику оппозиции “мы — они”. Так, в частности, проект “революции метафор” М. Мид, предполагающий создание единого мирового языка без “категорий зла”; глобальный проект

классовым и культурным основаниям; большой процент населения, находящегося в зоне “социальной депривации”; высокая степень социальной, политической и этнической напряженности и др. Не случайно в современном мире активизирующиеся (в том числе под воздействием глобализации) процессы национально-культурной идентичности нередко смыкаются с открыто националистической идеологией⁵.

Результатом действия перечисленных факторов становится хроническая разбалансированность общества. Именно она вызывает системные и многоуровневые напряжения, внутри которых формируется специфическая “идеология ненависти” (К. Гирц). Ненависть к “врагу” как крайняя форма оппозиции характерна, как правило, для “этнокультурной химеры”, или антисистемы, консолидация внутри которой основана на негативном мирозерцании и эмоционально окрашенном отношении к “чужому”. Антисистема чаще всего образуется в зоне контакта, на границе в ситуации незавершенного духовно-нравственного выбора (касательно Украины — в результате политических манипуляций “игроков” глобализации, которым выгоден конфликт на границе России и Европы). Но опасность антисистемы заключается в другом — в стремлении оформить образ “врага” символикой, выводящей его за границы человеческого, что развязывает руки для беспощадного и безжалостного его истребления⁶. Такого рода оппозиция “свои — чужие” деструктивна, всегда рискует переродиться в разрушительные и антигуманные формы противостояния⁷.

В отечественном гуманитарном дискурсе предлагаются различные способы устранения причин агрессивного противостояния “свои — чужие”, в том числе и путем элиминирования самой основы для деления на “своих” и “чужих”. Последнее предполагает: включить в теорию диалога культур в качестве аксиологической предпосылки признание самоценности человека как человека в лице каждого индивида (“признание этого до всех его культурных определений и отличий, а соответственно и признание его права на культурное развитие и оформление в том виде и направлении, которые он сам находит правильными и нужными” [5]); утвердить в качестве объединяющего принципа *природное единство всех людей*⁸. «Культурные различия, — утверждает А.А. Гусейнов, — вторичны по отношению к различающимся в этом аспекте индивидам, поэтому они “не могут быть основанием для их маркирования в качестве чужих. Только при такой предпосылке и при таком расширении концепция диалога культур получает надежную опору и оказывается изначально и принципиально универсальной» [там же]. И далее: «Существует... только одна возможность для того, чтобы закрепить эту мысль в культуре, а именно — принять ее в качестве безусловной истины и императива действия. Собственно, это уже было сделано, когда было сказано “прощайте врагов ваших” и был выдвинут идеал ненасилия в качестве единственно возможной линии поведения, снимающей губительное для человеческого существования разделе-

ние людей на “своих” и “чужих”. Речь идет об изначальном и абсолютном запрете на насилие в отношениях между людьми, запрете на него в каких бы то ни было формах и без каких бы то ни было исключений» [там же].

Однако природное единство не может быть альтернативой культурным различиям как основаниям консолидации. Именно природа разделяет людей, заставляя убивать друг друга — за средства существования, внимание женщин, за “материал” для человеческих пороков. Приоритет природного единства людей над их культурными различиями уводит в язычество — тупиковый вариант развития человеческой цивилизации. Вера в то, что “запрет на насилие” решит проблему, — это гуманитарный романтизм (запреты не решают проблемы, скорее, наоборот, провоцируют противоположные модели поведения)⁹. Христианство, декларируя общечеловеческое единство и призывая “прощать врагов ваших”, не просто запретило насилие — оно предоставило человеку и миру уникальный психокультурный механизм “снятия” энергии противостояния “мы — они” путем прощения, духовная и сакральная сила которого возвышает его над законом и справедливостью.

Прощение не предполагает соглашения со злом, оно его преодолевает — путем активизации духовных сил, избавления от разрушительных для души чувств мести и раздражения, ожесточенности и злобы. Не случайно Нагорная проповедь Христа учит “не судить”, “любить врагов ваших”, “благословлять проклинаящих вас” и “благоволить ненавидящих вас”. Духовную основу и тайну прощения составляет любовь — бескорыстная и жертвенная, чистая и сострадающая, верящая в человека как образ и подобие Божие¹⁰. Акт прощения не просто лишает “другого” разрушительной энергии — он дает совести “другого” шанс проснуться, ощутить стыд за совершенное и осуществить духовное покаяние. Но прощение духовно обогащает и прощающего, лишая его деструктивной энергии обиды и ненависти, возвышая его над эгоизмом и укрепляя в любви.

В настоящее время особый вклад в расширение агрессивных и деструктивных форм оппозиции “свои — чужие” вносит теория межцивилизационных конфликтов, ставшая частью глобальной геополитики и мировоззренческой основой для развязывания межцивилизационных и межконфессиональных войн. «Интересы целых культурных миров, великих цивилизаций, в том числе и российской цивилизации, не просто игнорируются, но приносятся в жертву новым политическим доктринам, построенным по старому принципу “свой — чужой”, разделяющему человеческое сообщество на “цивилизованные страны”, входящие в узкий круг “успешных демократических государств”, и “страны-изгои» [13]. Главными условиями предупреждения и минимизации деструктивных форм противостояния оппозиции “мы — они” представляются следующие:

• Востребованность идентификационных ресурсов культуры, которые обеспечивают взаимодействующим субъектам в ситуа-

формирования культуры толерантности, делающей путем устранения образа “врага” межличностную и межкультурную коммуникацию более терпимой и конструктивной. К сожалению, толерантность, решая в определенной степени данную задачу, уничтожает и “иммунитет нравственности”, который основан на различии добра и зла (как “своего”, так и “чужого”), способствуя тем самым расширению границ аномии (в публицистике проект толерантности отмечен метафорической формулой “нравственный СПИД человечества”).

⁸ “Эта мысль древних греков о том, что природное единство людей выше их культурных различий, наполняется в свете глобализации новым более глубоким и теперь уже вполне историческим смыслом. Она уже сама становится принципом культуры” [5].

⁹ Об этом еще писал ап. Павел в “Послании к римлянам”. Анализируя причины неудачи “проекта” Моисея, он указывал на важный источник человеческой греховности: до Моисея не было закона, поэтому грехи людей не могли им вменяться (“но грех не вменяется, когда нет закона”, ст. 13); когда же закон был дан, грех умножился, как и вина человека перед Богом, ибо человек стал уже сознательно нарушать запреты.

¹⁰ Именно такую любовь являет нам распятый Христос, обращаясь к Богу с просьбой о спасении своих мучителей: “Отче! отпусти им, ибо не ведают, что творят!”.

ции диалога органичность и самодостаточность. Позитивные основания национально-культурной идентичности (которые, к сожалению, в глобальном мире теряют свою конструктивную энергетику) могут стать фактором, препятствующим расширению пространства деструктивных форм поляризации в системе координат “свои — чужие”. Движущей силой формирования национально-культурной идентичности и солидарности, “снимающей” потребность в конструировании образа “врага”, выступает историческое прошлое народа, которое составляет коллективную память нации: исторические события, фиксирующие значимые этапы развития государства и культуры; символическое пространство территории (“место памяти”), связанное с именами исторических героев и т.д. Банк идентификационных ресурсов этнокультурной общности также хранится в глубинных структурах коллективного бессознательного, содержащих сложный комплекс устойчивых представлений национальной общности о себе самой.

- Национальная идея — “моральное призвание нации”, “особая идея, которую Мысль Бога полагает для каждого морального существа — индивида или нации — и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг”. Поэтому она есть такая же “роковая необходимость”, как и законы физического мира; “эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает это она двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места” [10]. Значимыми факторами (и ресурсами) национально-культурной идентичности являются позитивный образ государства, ассоциирующийся с политическим, экономическим и культурным статусом страны в мире (обеспечивается положительным имиджем страны, создаваемым резонансными событиями и акциями, образом политического лидера и т.д.), а также культура, производящая “конкурентоспособный продукт” на мировом рынке.

- Осознание расширяющегося общецивилизационного кризиса, которое способно перевести конфликтное противостояние в совместный поиск шансов и перспектив выживания. Общим для народов и культур символом “врага” становится надвигающаяся беда, а площадкой для межкультурного диалога России и Европы — понимание масштабов грядущей катастрофы. К сожалению, в современном мире такого рода “поле общего” стремительно расширяется, что не может не стимулировать межкультурное сотрудничество в области формирования эффективных проектов и программ, способных найти ответы на вызовы цивилизации. Это диалог “на эшафоте бытия”, который в истории “работает без выходов” (А.Я. Флиер).

Сегодня ответственно мыслящие гуманитарии — как России, так и Европы — озабочены пониманием истоков кризиса европейской цивилизации и выработкой новых парадигм бытия человека и общества. Они приходят к выводу о том, что кризис

капиталистической экономики связан с деформацией концептуальных оснований бытия человека и общества и является следствием исчерпанности капиталистической модели жизнеустройства, которая поставила под угрозу существование человеческой цивилизации в целом. В контексте происходящего перспективы человеческой цивилизации выглядят довольно мрачными. Все чаще раздаются голоса: мир доживает последние относительно спокойные десятилетия перед кризисом-“матрешкой”, аналогов которому не было. И если человечеству удастся пережить его, то новый миропорядок будет принципиально отличаться от современной цивилизации (А. Фурсов). Оставаясь в границах рационального метода познания, можно сказать, что оснований для оптимизма немного. Но остаются надежда на чудо и вера в то, что объединенными усилиями удастся найти достойный ответ глобальным вызовам времени — как известно, “по вере вашей да будет вам” (Матф. 9: 29).

Литература

1. *Бахтин М.М.* К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Рус. словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 282.
2. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. С. 170.
3. *Гаранян Н.Г.* Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М.: НИИ психиатрии, 2010.
4. *Гусейнов А.А.* Диалог культур: пределы культурологического анализа // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 мая 2011 года: в 2 т. Т. 1. Доклады. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011. С. 63.
5. *Гусейнов А.А.* “Свои” и “чужие” в глобализирующемся мире // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения, 15–16 мая 2014 года: в 2 т. Т. 1. Доклады. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2014. С. 56.
6. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. С. 267.
7. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // *Успенский Б.А.* Избр. тр.: в 3 т. Т. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 219–253.
8. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974.
9. *Преподобный Иустин (Попович).* Философские пропасти. 2-е изд., испр. М.: Издат. совет РПЦ, 2005.
10. *Соловьев В.С.* Русская идея // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 187.
11. *Соловьев Вл.* Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Республика, 1996. С. 110.
12. *Флоренский П.* Автореферат. Мироззрение // Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 39.
13. *Черешнев В.А., Расторгуев В.Н.* Цивилизационный кризис: Оценка ситуации и задачи антикризисной политики // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские чтения. 14–15 мая 2009 года. СПб.: Из-во СПбГУП, 2009. С. 155.